

В принципе, любой объект на свете изучается разными дисциплинами. О человеке и речи нет, но и геологическое явление включает механические, термодинамические, электромагнитные, химические и биологические процессы, может иметь социальные и исторические последствия, и каждую из этих сторон изучает особая дисциплина. Значит ли это, что геология — наука междисциплинарная? В то же время химические процессы происходят в любой материи, от Солнца до человеческого мозга. Означает ли это, что и химия междисциплинарна? Где же тогда вообще научные дисциплины? Скорее можно прийти к выводу, что пересечения дисциплин и невозможность решения любой реальной проблемы в рамках только одной из них — естественное явление, характерное как для нормальной науки по Т. Куну, так и для научной революции.

С другой стороны, кибернетика при своём зарождении также претендовала на междисциплинарный статус. Сейчас уже ясно, что это — именно строгая дисциплина, что у неё есть свой конкретный предмет — процессы управления в системах, способных к самоорганизации (о которой впервые заговорили именно здесь — Винер 1983: 268—294). У неё есть собственная парадигма, свой круг изучаемых явлений и свой набор базовых принципов и методик, в том числе и применимых в других областях знания. Но точно то же можно сказать о любой научной дисциплине.

Поэтому междисциплинарность можно считать лишь временным явлением, характерным для зарождающейся научной дисциплины. Удержать её навсегда так же невозможно, как вернуться в детство — разве что впад в него повторно (Эмиль Кроткий). Такие положение ни в малой мере не отменяет понятия об истинности.

VI.2. Логическая связность Мифа

VI.2.1. Вопрос о первооснове мира

Любая картина мира неизбежно начинается с вопроса о его первооснове. Классический сциентизм в этом отношении полон оптимизма, знакомого нам по лекциям общества «Знание»: за первооснову мира принимается последнее крупное научное открытие (например, гравитация или электричество). Эту основу когда-нибудь удастся познать до конца, и тогда-то наука и будет готова ответить на все (или, по крайней мере, на все существенные) вопросы. Позитивистская философия науки находится на другом полюсе: всякие вопросы о первопричинах — вне-научная метафизика. Мы не можем быть уверены даже в том, что наши ощущения отражают объективную реальность, где уж нам знать трансцендентные вещи? Рассуждать о них наивно и опасно, остаётся лишь ограничиться кругом того, что нам известно. И даже научные законы отражают лишь привычную взаимосвязь явлений, а не какую-то их потустороннюю «сущность».

Мифологическое сознание в этом вопросе останавливается на полдороге: первооснова мира для него — единственная, известная, но при этом непостижимая. Её можно лишь обозначить, интуитивно ощутить через «озарение», но не познать и не описать в логически непротиворечивых терминах. Это связано с самим харак-

тером мифологического мышления, которое пытается схватить любую вещь в её целостности: анализ такому мышлению чужд, методология здесь не разработана.

Возможно, этим и объясняется вечный моральный уклон мифа: из всех способов ориентирования человека в окружающей реальности (а это и есть главная задача любой картины мира) миф владеет только этим, предельно обобщённым. Чем, в сущности, отличается моральное наставление от разумного аргумента? Своей неочевидностью, отсутствием доказательств и потому — внешней произвольностью. Например: почему, в самом деле, следует соблюдать закон? Юрист сказал бы: потому что поступать иначе опасно, могут наказать. Социолог — потому, что иначе будет нарушена нормальная работа всей социальной системы, а от этого пострадают все, в конечном счёте и сам нарушитель. Моралист — потому что так не принято у хороших людей. На самом деле это «не принято», так же как понятие «хороший человек», — обобщение громадного исторического опыта, множества фактов, включая и соображения юриста и социолога (тоже из фактов выведенные). Однако моралист не в состоянии анализировать их, он пользуется готовыми обобщениями, взятыми из канонизированных сводов (священных текстов). Потому-то, видимо, мифологическое сознание «и есть, и хочет быть *лишь* моральным» (Ницше 1998: I, 51): лишь с трудом оно справляется с более строгой логикой.

С этой точки зрения можно показать (без лишних повторов), что отдельные части всех рассмотренных Мифов (а на самом деле — одного и того же Мифа в разных видах) — не случайное сочетание. Они логически вытекают друг из друга.

VI.2.2. Ближайшие следствия иррационализма

Основа Мифа — изначально иррационалистическая. Поэтому не приходится искать логичного объяснения поведения людей и коллективов: такими методами его не найдёшь. Стало быть, остаётся признать, что во всех поступках и событиях проявляется некая изначальная сущность, априори постулированная автором, но не подлежащая доказательному познанию.

Поскольку это так, то нет ни нужды, ни возможности анализировать поведение людей с точки зрения посюсторонних интересов и целей. Приходится признать, что любой человек — прежде всего носитель некоего «духа» (психологического типа), его очередное проявление. И действуют в истории не люди, а эти «духи». Для подобной мыслительной конструкции культурализм — самая удобная форма.

Далее, собственно из иррационализма вытекает эстетизм Мифа. Поскольку смысл нашего существования непознаваем, единственным его оправданием остаётся эстетика. Немало писал об этом А. Камю, развивавший идеи Ф. Ницше в ином, чем расисты, направлении: «Этот бунт придает жизни цену. Становясь равным по длительности всему существованию, бунт восстанавливает его величие. Для человека без шор нет зрелища прекраснее, чем борьба интеллекта с превосходящей его реальностью» (Камю 1989: 260—261).

VI.2.3. Метафизический Враг и определение ценностей

С этой позиции решается проблема теодицеи. Либо зло в мире — результат изначального несовершенства этих «духов» — но тогда вся концепция выходит безрадостной, как пессимизм Шопенгауэра. Либо зло — результат действия враждебных «духов». Значит, надо искать врага. Религиозные мистики находят выход в том,